

Глава 1

Он стоял в кустах, что росли левее валуна, мимо которого две минуты назад прошли мои пацаны, никого и ничего не обнаружив.

Я всегда в таких случаях больше доверяю автоматизмам — таламусу, потому что по опыту знаю: та часть серого вещества, которая отвечает за анализ, в какой бы распрекрасной голове она ни находилась, прежде чем начать прилежно функционировать, некоторое время валяет дурака. И хотя это длится всего пару секунд, от них порой зависит, останешься ты жить или нет.

Вот и сейчас в сознании лихорадочно запрыгали три совершенно никчемных вопроса: откуда он взялся? Как далеко ушли пацаны? Что делать?

Нельзя сказать, что я растерялся. Меня не напугало это. Но ситуация осложнялась тем, что накануне я вывозил свой автомат в песке и теперь отсоединил магазин, снял крышку ствольной коробки, вытащил пружину, затвор, аккуратно разложил все это на броне и преспокойно чистил, свесив ноги в люк...

БТР находился в трех километрах от села, где мы «проводили операцию». Так это называлось. На самом же деле всю ночь тряслись от холода в кустах, а под утро прищучили-таки четве-

рых гоблинов, которые приперли в село ящик мин «ПОМЗ-2М» и 12 автоматов.

Мы взяли их без труда. Они несколько часов тащились из долины вверх по горной тропе и шатались от усталости, когда мои парни, злые как черты после бессонной холодной ночи, выпрыгнули из-за кустов и просто-напросто отобрали у этих вояк их мьюнишн, на всякий случай надавав тумаков. Те даже не пикнули. Стало ясно, что это не профессиональные гоблины: слишком они были молоды, испуганны и на удивление легко сдались.

Ах да! Гоблины — это боевики. Мы их так зовем. Помните Диснея? Представьте себе безобразное существо, заросшее до глаз густой бородой, с огромными носом и ушами, переполненное злобой против человечества и страшное в своем тупом упорстве при достижении цели. Оно может стрелять в женщин и стариков, ставить мины под двери детского садика и на глазах обезумевших от ужаса людей под стволом автомата насиловать несовершеннолетних девчонок. Это гоблины. Они есть и с той, и с другой стороны. Я ненавижу их самой лютой ненавистью. Я буду уничтожать их, пока имею такую возможность. Потому что это нелюди. Спросите любого солдата, прошедшего Кавказ. Я не утрирую.

«Оккупанты», как еще совсем недавно называли наших солдат средства массовой информации у нас и за рубежом, получают за боевой день 30 000 рублей (20 000 — в районе боевых действий, 10 000 — по месту дислокации). Это контрактники. А военнослужащие по призыву получают 40 000 в месяц. Банка пива в районе боевых действий стоит в среднем 10 000 рублей, примерно столько же — пачка нормальных сигарет.

Чеченский боевик за день войны получает до двух тысяч

баксов. Плюс за каждого «подтвержденного» убитого солдата две тысячи баксов и пять тысяч баксов за убитого офицера. Цена за голову спецназовца постоянно колеблется. Но тоже немало.

Пусть на совести некоторых миротворцев-правозащитников останутся громогласные заявления, что против России воюет гордый чеченский народ, а не боевики-рецидивисты, которым до одного места, кого убивать, лишь бы бабки платили. Наши парни не гордые, поэтому получают тридцать штук в день, а чеченский народ — он гордый, потому-то и платят каждому его представителю с автоматом по две тысячи баксов.

Четверых гоблинов, захваченных нами, утром забрала вертушка вместе с начальником разведки ВОГ. Он формально руководил операцией. Полетел рапортовать. А мы возвращались вниз на коробочке, и я, дурак, разрешил остановку здесь: пацаны попросили спуститься с дороги метров на четыреста к персиковому саду.

Они, разумеется, проверили все вокруг, прежде чем удалиться от машины. Более того, с противоположного борта на бугре находилось боевое охранение — сержант и рядовой. Оба они изучали свой сектора наблюдения, повернувшись к БТРу спиной. Чего туда смотреть? Там сам командир.

Все было тактически правильно — в одну сторону ушли бойцы, по пути прочесав местность, с другой стороны стоял дозор, который обозревал окрестности самое малое на полторы тысячи метров... Гоблина наблюдатели видеть не могли. Он находился в мертвой зоне: от них его скрывал БТР.

Гоблин держал на правом плече «РПГ-7ВМ», направленный в меня, и улыбался. Его левая рука была отведена в сторону открытой ладонью кверху.

Рядом с ним стоял на коленях еще один такой же. Я его сначала не заметил в кустах. Он прикручивал пенал порохового заряда к кумулятивной гранате. Делал это очень сноровисто и на тот момент, когда я его увидел, практически закончил свою работу.

Гоблины находились метрах в двадцати от БТРа. Не возникло ни малейшей надежды, что гранатометчик промажет. Уверенность была просто написана на его заросшей до глаз харе. В моем распоряжении имелось от силы пять секунд. Столько времени ему понадобится, чтобы вставить снаряд в ствол и тщательно прицелиться, хотя вряд ли была необходимость целиться с такого расстояния. Я бы, например, с его позиции человеку, находящемуся на броне, смог попасть гранатой в голову. А уж шлепнуть в борт...

Автоматизмы сразу рванули мышцы тренированного тела. Кувыркнуться с БТРа, откатиться в придорожную канаву и дурным голосом заорать: «К бою!..»

Но дозорные стояли на расстоянии что-то около ста метров. Они в любом случае не успевали. И еще — самое главное — в БТРе оставались двое парней. На матраце возле моторов спал корреспондент окружной газеты, который увязался с нами на операцию. И водила — он тоже, как только остановились, отрубился на своем месте. После попадания гранаты в борт эти парни уже не проснутся никогда.

У меня на ноге висел «НРС» — и все. Лифчик с экипировкой я снял, и он теперь лежал внизу, возле водилы — далекий и бесполезный.

Пока я оценивал обстановку, второй номер подал выстрел гранатометчику, который тут же вставил его в трубу. И прицелился.

ВСЕ.

С того момента, как я их заметил, до момента прицеливания прошло не более трех секунд...

Такую ситуацию трудно охарактеризовать, даже используя полный набор наиболее эмоциональных и острых выражений. Это просто беда. Иначе не скажешь. Беда, потому что опытный боевой офицер, который мог бы одной очередью из автомата завалить гранатометный расчет, неожиданно возникший в двух десятках метров от него, как несмышленный новобранец, беспечно разобрал свой автомат, и гоблины это видели. А еще этот боевой офицер снял разгрузку и бросил ее в люк, отпустил наводчика вместе с другими за персиками... В общем, сделал столько ошибок, что гоблины могли бы, прежде чем убить, вынести благодарность.

До того мне стало обидно, аж выть захотелось! В ста метрах пост наблюдения, по другую сторону в трехстах метрах — целое отделение до зубов вооруженных ловких парней, в метре — кнопки электроспуска двух танковых пулеметов, которые заряжены и смотрят в сторону гоблинов. Однако вот не дотянуться до тех кнопок.

— Давай слезай. Только молчи и не делай резких движений, — тихо и очень отчетливо, почти без акцента, приказал гранатометчик.

Второй коротко мотнул слева направо стволом автомата, который он поднял с земли и направил на меня после того, как передал выстрел первому номеру.

— У тебя там внутри кто-то есть, и он спит, — произнес гранатометчик, продолжая смотреть в окуляр прицела. — Иначе ты давно бы уже спрыгнул в канаву и дал сигнал своим.

Догадливый встретился гоблин. Прозорливый. Я уже стоял

внизу и изучал врага. Два автомата, в разгрузках что-то топорщится, наверно, гранаты. У обоих на правом бедре тесаки плюс один гранатомет и три отдельных выстрела «ПГ-7ВМ». Четвертый, снаряженный, в данный момент смотрел в борт корабочки.

Соображалка лихорадочно работала. Если сразу не долбанули, значит, хотят взять себе БТР с боекомплектом и, возможно, прихватить двух заложников. Очень нагло и беспрецедентно — в буквальном смысле увести из-под носа у спецназа боевую технику. Мне останется только застрелиться от позора, хотя, возможно, гоблины раньше помогут мне расстаться с жизнью. Для них хороший спец — мертвый спец. Адекватное, впрочем, отношение и с нашей стороны...

— Повернись мордой к броне, — так же тихо и отчетливо скомандовал гoblin с «РПГ», и я выполнил распоряжение.

У них может получиться. Элементарно. Стоит только забраться в БТР и закрыть люки. Водила спит без задних ног: один удар ножом в шею, и — привет. Корреспондент — не боец. Он нормальный парень, бывалый и обстрелянный, но не сумеет правильно себя повести, когда проснется от шума двигателей и обнаружит, что на него направлен ствол. Если вообще проснется. Это ведь гоблины, им все равно.

И потом, они могут быть уверены, что никто из моих парней не выстрелит по броне из гранатомета, зная, что там, внутри, находятся заложники. Если есть хоть один шанс из тысячи спасти человека, мы не будем им пренебрегать. Гоблины это знают.

Остаюсь я. Учитывая тот факт, что гоблины опытные, думаю, они прекрасно понимают: в качестве заложника я очень неудобен. Более того, если они подойдут близко, я просто не дам им

забраться на броню. Выходит, они будут меня убирать по возможности без шума.

— Сделай шаг назад, — попросил первый.

Он именно просил — тихо, без эмоций, — и это было очень плохо: значит, он очень опытный. Наверно, убил немало людей и сотворил массу пакостей, так что эта акция для него — дело плевое. Голос не вибрирует. Не нервничает он, хотя ситуация еще та... Руки у него не дрожат, и он точно целится. И, не колеблясь, нажмет на спусковой крючок, если ошибусь.

Я отступил назад, как просили.

— А ты пар упрямый руки на калысо и ширако раздвинуь ноги, — подал голос второй, более нетерпеливый.

Я тут же выполнил и это. Хорошо. Прекрасно! Он должен будет подойти ко мне для того, чтобы сунуть нож под лопатку или стукнуть по кумполу.

Они правильно сделали: обыкновенный человек, стоя с широко разведенными ногами, под углом в 45 градусов к земле, когда вся тяжесть тела переносится на согнутые руки, не сможет даже быстро выпрямиться, а не то что оказать активное сопротивление. Но я не обыкновенный.

Судя по голосу, у второго поигрывают вазомоторы — в отличие от первого. Похоже, он немного скован и комплексует. Это также значит, что он не шибко хорош в ближнем бою и я даже из такого положения успею убить его, как только он замахнется для удара. Ладно. Гранатометчик будет в замешательстве, наверное, не больше одной секунды. Его брат-гоблин окажется в этот момент у брони и обязательно пострадает при выстреле, если что. Мне хватит этой секунды, чтобы перехватить автомат второго номера, а с двадцати пяти метров по ростовой я не промажу даже из-под колена. Ладно!

— Подожди, — неожиданно вмешался первый и что-то сказал нетерпеливому гоблину на своем языке.

Одно слово я понял — «спецназ». И уловил недовольство в его голосе. Это он напомнил второму, что я спецназовец и просто так ко мне подходить опасно.

— Сядь и сделай шпагат, — попросил он.

Я обернулся и хотел возразить, что так сесть не смогу, но гоблин не позволил мне открыть рот. Он угрожающе качнул гранатометом.

— Сядь, сядь. Я же видел, как ты слезал с БТРа. Ты можешь. Не бойся, мы тебя убивать не будем, только наручники наденем. Ты нам нужен...

Так я и поверил. Нужен я вам, как голой заднице ежик. Однако делать нечего: сел на землю, сделал шпагат и опять уперся руками в колесо. Вот теперь уже неладно. Спротивляться действительно сложновато: для того чтобы свести ноги, придется отталкиваться от колеса, прогибаться и упираться руками в землю. Это долго.

Опытный гоблин что-то тихо сказал своему помощнику. Я понял, что он отправил его ко мне. Благодаря обострившемуся от напряжения слуху я уловил короткий скрежещущий звук: второй достал нож. Так же звучит извлекаемый из ножен «НРС».

Пока он подходит, есть несколько секунд, чтобы сообразить. Так-так... Нож на правом бедре, чуть выше колена. Значит, правша. Будет бить правой, а левой держать автомат... Или нет? То, что нож на правом бедре, еще ничего не значит. Так как же?! Да, правша. Точно, правша! Гранату держал левой рукой, а прикручивал пороховой заряд правой. Потом поднял автомат с

земли — тоже правой и наставил автомат на меня, положив указательный палец правой руки на спусковой крючок... Есть.

Будь ты даже горой стальных мышц с отличной реакцией и хорошо срабатываемыми автоматами — грош тебе цена, если в считанные секунды не успел прокачать все параметры противника до того, как вступил с ним в контакт.

Он подошел и на миг замер, оценивая, представляю я опасность или нет. Я уже успел три раза прогнать ситуацию и более оптимального варианта, чем тот, что высветился сразу, не обнаружил. Ну!!!

Он ударил на выдохе, хекнув, как это делают сельские забойщики свиной.

Я сместил корпус вправо, насколько позволяла растяжка, и одновременно поднял левую руку.

Рука с ножом нырнула вперед, завязнув локтевым сгибом у меня под мышкой.

Все. Он уже был мой. Не вставая со шпагата, я сломал ему руку. Почти одновременно подтянул его голову впритык к колесу и свернул ему шею.

И тут с ужасом обнаружил, что его автомат от рывка упал и съехал по гальке в канаву. Мне стало страшно: не успеваю!

Сколько действий, думаете, можно произвести за две секунды? Отвечаю: много. За эти две секунды я успел высвободиться из-под вздрагивающего, но уже мертвого гоблина, сомкнуть ноги, дотянуться до тяжелого кинжала с железным набалдашником на рукоятке, удобно перехватить его, обернуться — и услышать щелчок бойка...

Выстрел из «РПГ» здорово отличается от выстрела из автомата. Так, если в тебя стрельнули из автомата и не попали, ты сначала наблюдаешь вспышку, а потом слышишь выстрел. Это

если достаточно далеко. При стрельбе из «РПГ» между щелчком бойка и непосредственно выстрелом проходит что-то около двух десятых секунды.

Мне удалось за это время прыгнуть вперед, в сторону живого гоблина, и метнуть в него нож. Я не Тарзан, чтобы с двадцати метров нанести ножом смертельный удар, но интуитивно выбранный способ решения задачи оказался верным.

Уловив периферийным зрением, что в него что-то летит, гоблин чисто рефлекторно дернулся назад. Буквально чуть-чуть! Но этого хватило. Вместе с гоблином на пару сантиметров сместился гранатомет и рванувшаяся в этот момент из ствола граната...

Я всегда очень уважительно относился к секундам, мгновениям, мигам. В обычном течении жизни о них забываешь. Время измеряется в минутах, десятках минут — в часах. Рабочий день — в часах, сутки — в часах. Никто не скажет, договариваясь о деловом или интимном свидании: встретимся у фонтана в тысячу семьсот тридцать шесть секунд пополудни.

Помните кино про Штирлица: «Не думай о секундах свысока...»? Я солидарен. Секунды, миги, мгновения — это другое измерение, другой уровень существования. Меняется скорость биохимических реакций в организме, исчезает возможность спокойно проанализировать обстановку, поскольку на этом уровне само время как таковое будто исчезает.

В этом измерении — война. Часть войны — ожидание: утомительные марши, засады, долгий и мучительный плен госпитальной койки. Другая часть — схватка, ближний бой с физическим контактом, когда все, буквально все пропадает куда-то и остается только — кто кого.

Гоблин, несмотря на свой большой боевой опыт, использо-

вал этот миг почему-то так, как среагировал бы на его месте любой нормальный человек: зажмурился, присел и прикрылся гранатометом. Мало ли чего! При взрыве противотанковой гранаты, даже если она кумулятивная, бывают неприятные сюрпризы, когда цель находится слишком близко. Типа куска раскаленного железа, летящего с бешеной скоростью в обратном направлении. Видимо, гоблин это хорошо знал, а потому потратил миг, чтобы позаботиться о своей жизни.

Этого мига мне хватило, чтобы, зажав уши, покрыть в десяток прыжков разделявшее нас пространство. Когда он открыл глаза и увидел меня перед собой на расстоянии трех метров, было уже поздно переводить автомат из-за спины: для этого требовалась еще треть мига, и он это понял. Действительно опытный был гоблин.

Вместо ненужных движений он поднял гранатомет на уровень лица и низко присел, пропуская над собой мое тело, летящее ногами вперед.

Мои подошвы просвистели буквально в двух сантиметрах над его головой. Я приземлился в низкую стойку и следующие полмига боролся с инерцией.

Мне надо было срочно назад, к гоблину, а инерция полета на эти полмига оторвала меня от него!

Он воспользовался этим, чтобы выпустить из рук гранатомет, перевести автомат из-за спины и прочно ухватить его, направив ствол в мою сторону.

Я в ужасе сжался и стиснул зубы — сейчас очередь разорвет мое тело на части...

И в этот момент за спиной гоблина оглушительно рвануло.

Сработал самоликвидатор выстрела, который он собственноручно выпустил несколько секунд назад, будучи уверенным

на двести процентов, что не промажет. Но он промазал, а с момента нажатия на спусковой крючок прошло много мигов — и он забыл, забыл, что, если граната не находит цель, она самоликвидируется.

Поэтому он чисто рефлекторно обернулся и присел чуть-чуть — всего на полмига, но этого было достаточно, чтобы я справился с инерцией и прыгнул к нему, нанося с отмашки удар кинтасами правой в здоровенный нос и одновременно ухватывая левой ствол и дергая его влево-вниз.

Он успел нажать на спусковой крючок до того, как я, закрепляя результат, заехал ему кулаком в висок, и ствол неприятно выбранул в руке — довольно неожиданно, так, что я чуть его не выпустил.

От второго удара гоблин заметно поскущел и обмяк, но я еще раз крепко угостил его локтем в лобешник. После этого он мешком рухнул наземь.

Схватка закончилась. Можно было перевести дух и опять жить в нормальном ритме, перестав считать мгновения.

Я увидел, что из-за брони показались настороженные лица моего боевого охранения, а над броней почти одновременно возникли взъерошенные головы корреспондента и водилы. Проснулись, мать вашу так! А ведь могли и не проснуться...

Ощупав поверженного врага, я убедился, что он жив — башка крепкая, однако. Мог бы и ласты завернуть — бил я его очень серьезно. Я снял его автомат через голову, разгрузку с экипировкой и пояс с ножом и отточенной как бритва пехотной лопаткой.

Через минуту снизу прибежали взбудораженные любители персиков, и на месте происшествия, как это обычно бывает «после того, как», начался оживленный обмен мнениями.

Я внимательно осмотрел валун, рядом с которым возникли гоблины, кое-что нашел и показал своим пацанам. До этого они меня уверяли, что обследовали каждую пядь, прежде чем спуститься к саду.

С закрытого кустами бока под валун уходила широкая нора. Предположить, что ее выдолбили в каменистом грунте за полчаса, было бы глупо. Значит, после того, как мы вечерком проехали наверх, гоблины всю ночь трудились, а потом ловко замаскировались плащ-палаткой, которая сейчас валялась в этой норе, и преспокойно ждали.

Смущало то, что расчет гоблинов полностью оправдался: именно в этом месте был наиболее удобный спуск к персиковому саду и хороший обзор, создающий ощущение безопасности. Гоблины не сомневались, что пацаны захотят персиков, а я, несколько разомлевший после бессонной ночи, разрешу остановку... Тьфу!!! Век живи — век учись. На ошибках учатся! Умный учится на чужих ошибках, а дурак на своих.

В это время корреспондент уже щелкал «Коникой» и, сложив перед отключенным гоблином его экипировку, попросил меня встать рядом так, чтобы на заднем плане был виден труп второго. Только автомат брать не надо. Будет прекрасный снимок к репортажу о том, как один ловкий парень голыми руками завалил двух до зубов вооруженных боевиков.

Я категорически отказался, напомнив возбужденному корреспонденту, что меня изнасилюют в извращенной форме, если узнают, что я был с голыми руками! А куда я засунул свое оружие? Нет, спасибо.

— И вообще, — сказал я, собирая автомат, — забудь об этом эпизоде. Давай-ка покладнее сочиним, как мы все вместе дружно отразили нападение этих негодяев. Лады?

Андрюха пожал плечами: больно заманчивый получался сюжет, и вдруг — облом. Но ему еще не раз придется работать на передовой, и, если он кому-то сделает пакость, ему просто никто руки не подаст. Семафорная почта в «горячих точках» работает неслабо. Вот так.

— А как ты объяснишь прокуратуре, что свернул шею одному из боевиков? Не боишься, что тебя обвинят в дурном обращении с пленными?

— Расслабься, Андрюха. Они не пленные, потому что мы не воюем с ними. Ты это прекрасно знаешь. А насчет шеи, это надо еще обмозговать. Не думаю, что оставшийся в живых будет давать какие-то показания, которые мне как-то навредят, однако... В общем, надо поразмыслить.

Мы немного посоветовались с пацанами и решили, что при прочесывании местности эти двое внезапно выскочили из кустов и хотели взять меня в заложники. Произошел физический контакт, и вот — результат. Пойдет? Вполне. Ничего, что эта версия расходится с действительностью, о чем может заявить оставшийся в живых гоблин: его просто никто не станет слушать. Они, выгораживая себя, подчас такую чушь несут, что уши вянут. Ага...

Через пару часов, прибыв на базу, я плотно позавтракал и, искупавшись в «человечьем» душе (бочка с водой и сосок внизу), завалился спать.

А еще через полтора часа меня растолкал возбужденный командант района, которого я спросонок едва не лягнул ногой в живот.

— Это... Ну, как его... Короче, сдали мы этого твоего гоблина местным властям... А он с...бался, сука, выломал решетку на окне и с...бался. Вот мразота!

Комендант добавил еще несколько плохо редактируемых, но хорошо известных выражений и поскреб заросший щетиной подбородок.

— Не, — недовольно произнес я и подождал, не скажет ли он еще чего.

Что гoblin ушел, не бог весть какая крутая новость. Дураку понятно, что у них тут все связано, и девять из десяти задержанных боевиков сваливают из мест предварительного заключения при весьма загадочных обстоятельствах. Из-за этого он меня будить бы не стал.

— Ну, это... Ну, я только что приехал! — вдруг сорвался на крик комендант. — Я, бля, не мог угадать, что этот мудака такую х...ю отмочит!

Я насторожился. Уже три недели работал с этим комендантом и знал его как неглупого, тертого мужика, не дающего волю эмоциям.

— Федорыч, ты не монди давай. Что случилось?

— Да зам мой — он же только три дня назад прибыл... Ну, не сообразил он, не был он раньше...

Комендант отвернулся, избегая смотреть мне в глаза.

— Как только мы этого боевика сдали в райотдел, он наката на тебя жалобу: они, мол, простые мирные жители, оружие им подсунули, а ты с ними плохо обращался, издевался и убил его брата. Ну, как обычно, сам знаешь... Вот звонит прокурор района в ВОГ и выдает все это. А трубку взял мой зам, я не подъехал еще... Ну и перетрухал, бедолага. С перепугу дал местному прокурору все твои координаты — якобы для оформления уголовного дела...

Комендант на несколько секунд смолк, ожидая, как я прореагирую. Я молчал, переваривал.

— И это... Вот... — Комендант протянул мне свернутый в трубочку листок и опять спрятал глаза. — Ты только не психуй, комендир. Он же не нарочно...

Я совсем не собирался психовать. Что толку, если дело сделано?

На листке было написано — кровью, я ее достаточно рассмотрелся, чтобы спутать с чем-нибудь другим:

БАКЛАНОВ, ТЫ УБИЛ МОЕГО БРАТА. ТЕПЕРЬ ТЫ МОЙ КРОВНИК. Я ЗНАЮ, КАК НАЙТИ ТЕБЯ И ТВОЮ СЕМЬЮ.

И подпись внизу: ТИМУР.

Писано было аккуратно, без единой орфографической ошибки. Видимо, тот, кто писал, не торопился и выводил буквы иглой или заостренной спичкой, макая кончик в кровь.

— Откуда это? — спокойно спросил я коменданта.

— Это на КПШ какой-то местный пацан принес. Сказал: передать командиру спецназовцев. — Комендант вдруг схватил меня за локоть. — Только я прошу, ты не психуй, а?!

Он умоляюще посмотрел на меня, и мне стало немного неудобно: все-таки немолодой уже мужик, работяга, упрасивает, можно сказать, мальчишку — из-за какого-то ублюдка...

Я медленно поднялся с кровати и, подойдя к окну, облокотился о широкий мраморный подоконник. Стал рассматривать залитые летним ярким солнцем горные хребты, на которые уже наплывала от горизонта синеватая туманная дымка. Красота-то какая!

А дело дрянь. Я неоднократно получал угрозы в свой адрес — служба такая. Все эти угрозы оказывались пустыми словами. На самом деле за ними ничего не стояло и не могло стоять. Потому что для местного населения мы всегда были безликой группой в камуфляже. И только.

Есть такой Закон о внутренних войсках МВД РФ. Он подпи-

сан Президентом России и является обязательным для всех. Те, кто работает в зоне ЧП, очень строго соблюдают этот закон, особенно раздел «Гарантии личной безопасности...».

Но бывают исключения. Этих допускающих такие исключения я бы назвал преступниками и отдал под суд, будь моя воля. А еще лучше — дать такому «исключенцу» автомат и посадить на КПШ где-нибудь на перевале. Чтобы он сутками смотрел на эти бородастые лица и с тревогой ждал, что вот-вот кто-нибудь из них достанет гранату из внутреннего кармана «вареной» куртки и бросит в досмотровую группу.

А потом, если этому «исключенцу» посчастливилось бы остаться в живых да вдобавок убить этого типа до того, как он выдернет предохранительную чеку, хорошо бы его оставить там же, возле дороги. Пусть понаблюдает, как часто подъезжают гоблинообразные и настойчиво интересуются: кто да как здесь нес службу, когда погиб их родственник.

Но «исключенцы» не стоят на КПШ и блокпостах, не делают рейдов. Они сидят в уютных кабинетах и за ящик коньяка, а в некоторых случаях и за кое-что более ценное выписывают всевозможные пропуска и документы...

С тех пор я часто видел во сне этого Тимура. И хотя в реальности схватка окончилась моей победой, во сне я сидел на броне со связанными руками, а Тимур целился из «РПГ» в борт БТРа, в котором находились мои жена и сын...

Эта дрянь мне обычно снилась после обильного приема на грудь или сильной нервной встряски, и я всегда просыпался в холодном поту с ощущением полной безысходности и противного липкого страха.

Так было и на этот раз. Я сидел в темноте, тяжело дыша, а перед мысленным взором еще стояли его глаза — глаза волка-оборотня на заросшем лице. Тимур...

Глава 2

Из раскрытого окна на третьем этаже пропикало шесть раз, и голос диктора довел до сведения оригиналов, слушающих радио в это время, что в столице двадцать два часа.

Я аккуратно потянулся, хрустнув суставами, поудобнее устроился и чертыхнулся про себя. Интересно, как эти «синяки» умудряются часами лежать в таких неудобных позах, совершенно не меняя положения? Оп! Замер. Послышался неискренний девичий смех и обрывок тихого разговора: мимо подъезда прошла парочка, слегка отпрянув при виде моего тела.

Они тормознули метрах в двух-трех от меня, и девица высказала предположение, что, возможно, я и не пьян вовсе, а свалился в связи с сердечным приступом или почечной недостаточностью. Галька, дескать, рассказывала, что недавно у них возле дома мужик вот так же лежал — никому до него не было дела — и через пару часов очнулся. Узнать бы надо, почему и я валяюсь, и помочь, если что.

Я дышал через раз, чувствовал, что начинаю испытывать к незнакомой Гальке чуть ли не ненависть. Если подойдут и не дай бог посмотрят мне в лицо, позже у меня могут возникнуть серьезные проблемы.

Парень, однако, как этого и следовало ожидать, оказался не столь чувствительным. Он потянул подругу за руку, и я расслышал его заключение:

— Здесь медицина бессильна. Не волнуйся.

Он ей объяснил, что я — это Гоша, который примерно через день надирается непонятно за чей счет и валится около этого подъезда или любого другого соседнего, благополучно почивая,

потому как время летнее и тепло, да и идти все равно некуда, поскольку — БОМЖ.

Я ему мысленно поаплодировал и облегченно вздохнул. Парочка скрылась за углом.

Осторожно вытянув из-под себя руку, я поправил козырек засаленной, потерявшей былую форму кондукторской фуражки, чтобы можно было хоть частично обозреть местность.

Но обозреть было нечего. Рядом не имелось во дворе никакого освещения, если не считать нескольких бледных световых пятен на асфальте от окон первого этажа. И ни одной живой души.

После объявления времени по радио прошло, может, всего около трех минут. Он вот-вот должен появиться, с минуты на минуту, поскольку педант и практически не изменяет привычкам.

Я потратил две недели для того, чтобы изучить до мельчайших подробностей уклад его существования. То, что он был, как немец, пунктуален, значительно облегчало эту задачу.

Впрочем, дельцы его типа и не могли позволить себе роскошь свободно распоряжаться своим временем. Они вынуждены были просчитывать каждую минуту своего пребывания на этом свете, поскольку при любом отступлении от схемы просто рисковали вылететь в трубу.

Прошли те времена, когда частное предпринимательство, освободившись от пут тоталитарного режима, только начало вставать на ноги и любой мало-мальски предприимчивый парень мог закрутить дела, получить сногшибательные бабки и, обалдев от радости, пуститься во все тяжкие.

Теперь «предприимчивых парней» было не просто много, а очень много. Больше, чем надо. Началась сильнейшая конку-

ренция, напоминая отношения между крысами в бочке, которые в свое время довольно живописно изобразил товарищ Чабуа.

Выживали только спортсмены, отличные спортсмены — те, кто азартно рвался вперед, не сбивая дыхания и наращивая темп.

Чтобы победить, нужны великолепная реакция, стальные мускулы и строгое соблюдение режима. Сам был спортсменом, знаю. В противном случае тебя просто обгонят более жизнестойкие, отнесут к обочине, где трудно бежать, поскольку постоянно приходится наступать на неровную кромку. А могут и просто сбросить в канаву: локотком — рраз!

Он был, возможно, самым жизнестойким, потому что строго придерживался режима. За две недели наблюдения удалось установить, что отклонений от нормы не было, и я уже всерьез задумывался, не с киборгом ли имею дело. А что? При современном уровне технологий такое вполне возможно. Если же учесть, какую роль этот тип играл в размещении инвестиций из разряда черного нала, он должен был, по моим не особо профессиональным прикидкам, обладать качествами ЭВМ последнего поколения.

Ровно в 8.30 он выходил из дома. Пять минут требовалось, чтобы открыть-закрыть гараж, вывести машину. Пятнадцать минут он ехал к месту работы и в 8.50 входил в здание своего банка. Обедал скорее всего в офисе или вообще не обедал. Я туда не заходил по вполне понятным причинам.

В 18.00 он выходил из здания банка и через десять минут подъезжал на своей «девятке» к кафе «Раб желудка» — элитарному кормящему заведению, над входом в которое висела аляповато раскрашенная вывеска с изображением пожилого му-

ДИПЛОМ КИЛЛЕРА ВСЕГДА КРАСНЫЙ

жика, прикованного за ногу огромной ржавой цепью к анатомически правильно нарисованному желудку — почему-то ядовито-зеленого цвета: возможно, чтобы глазу было приятнее.

С 18.10 до 18.30 он поглощал свой обычный ужин. Большой стакан персикового сока вышивал за пять минут до приема пицци. Потом ему приносили овощи — помидоры, огурцы и прочее, а также зеленый лук, укроп... Причем, я сразу обратил на это внимание, не нарезали: на тарелках все лежало целиком и отдельно. Вторым блюдом служила сваренная без соли осетрина или что-то из лососевых. Я специально навещался на кухню под предлогом поиска работы, чтобы выведать, чем его кормят, еще толком не зная, пригодится мне это или нет.

После ужина он поднимался на второй этаж кафе и до 19.20 играл сам с собой в бильярд: в это время, кроме него, в бильярдной никого не было.

С азартом погоняв шары в течение пятидесяти минут, он спускался вниз, садился в машину и катил к элитарному же спортивному клубу, который располагался в пяти минутах езды от «Раба».

В 19.30 он, уже переодетый в короткие спортивные штаны, занимал свое место напротив постоянного партнера по корту — такого же, по-моему, двинутого банкира или бизнесмена, только значительно старше. Этот старикан тоже никогда не опаздывал.

В 20.50 он заканчивал игру, делал ручкой партнеру и отправлялся в зал восточных единоборств, где до 21.30 в медленном темпе оттачивал удары по груше и макиварам — с резкими выдохами-криками, заканчивая упражнения пятиминутным комплексом тайцзи. После контрастного душа он покидал клуб.

Чтобы выяснить все эти подробности, мне не пришлось за-

висать на водокачке, пользуясь парашютными стропами, или притворяться служащим клуба.

Сначала я хотел напоить вахтера и таким образом добыть информацию, однако вовремя осознал, что мне ни к чему прямой контакт с потенциальным свидетелем. Остановило и то, что вахтер постоянно сидел около входа и, сами понимаете, не мог располагать исчерпывающими сведениями о чем-либо пребывании в клубе.

За всем происходившим в этом заведении можно было элементарно наблюдать с помощью бинокля, удобно разместившись на крыше соседнего дома.

А когда в один из вечеров я захватил с собой узконаправленный микрофон, информации было добыто даже в избытке. Владельцы клуба не ставили никакой защиты от прослушивания. Секретные разговоры здесь не велись. Наоборот, сюда приезжали, чтобы хоть на час забыть о делах.

В 22.05 он подъезжал к дверям своего гаража, расположенного в двадцати метрах от дома, с тыльной стороны. Через десять минут он заходил в подъезд, поднимался по лестнице на третий этаж, отпирал дверь квартиры, шел целовать старушку-мать, а иногда она встречала его в прихожей, затем до 23.30 читал в своей комнате книгу.

Это мне удалось установить заранее, поднимаясь на этаж выше, а потом забираясь на чердак соседнего пятиэтажного кирпичного дома довоенной постройки, откуда я продолжал наблюдение, используя бинокль.

В 23.30 он гасил свет и ложился спать.

Так происходило шесть дней в неделю. Исключение составляло воскресенье.

В воскресенье клиент спал до 10 часов утра, затем садился в

машину и отправлялся на свою дачу, которая располагалась в 20 баксах езды от его дома.

Да-да, именно так. Таксист-кровопийца сначала ни в какую не хотел преследовать машину клиента и все требовал показать удостоверение, которого, естественно, я не имел. Позже удостоверение вполне заменили 20 долларов. Не странный ли эквивалент?

В течение всего воскресенья клиент планомерно решал сексуальные проблемы, не по-человечьи многократно трахая какую-то телку, которая приезжала к нему на дачу на своей машине. В перерывах между траханьем он разгуливал в голем виде по территории дачи, окруженной глухим двухметровой высоты забором.

Все прелести дачной жизни клиента открылись передо мной, забравшимся в мансарду очень кстати пустовавшего дома по соседству. Предварительно пришлось открыть замок входной двери отверткой.

В ходе наблюдения удалось также выяснить, что клиент обладает прекрасно развитой мускулатурой и конячьей выносливостью, судя по тому, что его партнерша по сексу к концу дня едва передвигала ноги, не заботясь об изяществе походки, в то время как он сам садился в авто довольно прытко, беззаботно смеясь и насвистывая веселый мотивчик.

Половая жизнь с элементами нудистской культуры заканчивалась где-то в 20.00, после чего следовали прощание и разъезд по домам. Чем в дальнейшем занималась дама, я не интересовался: не было необходимости.

Клиент приезжал домой, ужинал (наверное, ужинал, но не могу утверждать это, поскольку его кухня с наблюдательного пункта не просматривалась), читал перед сном и в 22.00 укла-

дывался спать. А с понедельника все повторялось сначала — строго по расписанию.

Во время наблюдения я неоднократно задавал себе вопрос: почему у этого типа нет охраны? Он был настолько важной фигурой в деле отмывания денег, что те, кто благодаря ему процветал, могли бы нанять для него целый взвод охранников.

Вариантов ответа было несколько. Но, поразмышляв, я пришел к выводу, что парень имеет настолько мощное прикрытие, настолько высокий теневой рейтинг, что здесь просто никому в голову не придет предпринимать в отношении него какие-то враждебные действия. Вот так. А потому, подготавливая акцию, я досконально изучал пространство и внимательно оглядывался вокруг. Если в чем-то промахнусь, ошибусь, то меня вмиг раздавят.

Вообще-то этого парня можно было пожалеть. Он был рабом системы, которую сам для себя создал. Сам заключил себя в жесткие рамки и теперь просто уже не волен был выйти из них.

Система не позволяла ему обзавестись женой и детьми. На них он тратил бы большое количество времени в ущерб работе. Поэтому он жил один с престарелой матерью в роскошной пятикомнатной квартире в два яруса — знаете, такие дома с непонятной системой лифтов, которые завозят куда-то не туда, и электронным вахтером на каждую секцию П-образного дома.

Зачем?! Зачем человеку пятикомнатная квартира, если он один с матерью? Зачем солидный счет в банке, даже, вернее, в нескольких банках, которые наименее подвержены воздействию инфляции и прочих негативных факторов? Целая куча денег, которые он никогда не растратит, поскольку тратить не умеет!

Я ненавидел его — и не только потому, что он имел счастье быть самым продуктивным отмывалой черного нала. Это как раз волновало меня меньше всего. Я ненавидел их всех — вот таких умненьких, благополучных фанатов вышибания средств, умеющих работать, как папа Карло, и расслабляться, не употребляя капли спиртного. Может быть, тут еще играло значительную роль то обстоятельство, что сам я был подобран с улицы — из милости и черт знает каких альтруистских побуждений, а на эту улицу меня толкнула безысходность, отчаяние, которое, насколько я понимаю, вот таким белковым роботам, функционирующим по расписанию, было просто недоступно, как и проявление прочих слабостей заурядной личности...

Мимо подъезда проехала его машина. Судя по времени и характерному звучанию двигателя, именно его машина. Это только непосвященным кажется, что все машины одной марки работают одинаково. Попробуйте послушайте две недели какую-нибудь «девятку». Если у вас все хорошо со слухом, то уверяю, что вы, встав в транспортном потоке в час «пик» с завязанными глазами, узнаете ее говор среди сотен других.

Машина завершила за угол. Я сосредоточился, потягивая мышцы, онемевшие от долгого лежания.

Мысль насчет Гоши, как и все прочие, тоже не возникла случайно. В ходе наблюдения выяснилось, что почти каждый день, за редким исключением, настоящий, реальный Гоша в непотребном виде добредал до одного из подъездов этого дома и запертво сваливался почивать до утра.

Странную приверженность Гоши именно к этому дому я объяснить не мог. Да и вряд ли бы это помогло в подготовке акции. Потому и не стал докапываться до сути, воспринял все как есть.